

СПРАВЕДЛИВОСТЬ СЕГОДНЯ: НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР МЕЖДУ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ И ПРИЗНАНИЕМ

Статья вторая*

С.Г. Чукин

Санкт-Петербургский военный
институт Внутренних войск МВД
России

П.Ю. Наумов

Уральское региональное
командование Внутренних войск
МВД России,
г. Миасс

petr.naumov.777@mail.ru

В работе рассматриваются практические и теоретические следствия того, что справедливость становится реальным фактором достижения солидарности в социальной жизни. Рассмотрены различные концепции справедливости, выявлены их сущностные и структурные отличия. Авторы приходят к выводу, что итогом дискуссий вокруг темы справедливости, длящихся последние тридцать лет, стал существенный семантический сдвиг в понимании справедливости, повлекший, в свою очередь, появление новых форм и способов ее достижения. Отмечается, что справедливость обладает свойством, которого нет у истины и которое помогает ей оставаться в поле зрения философии и социальных наук, несмотря на безуспешность попыток дать ее удовлетворительное объяснение. Этим свойством является особая чувствительность по отношению к ней со стороны отдельных индивидов, а также социальных и культурных групп. Определены уровни справедливости, установлено, что основанием справедливости является социальная структура. Авторы критикуют эмотивизм, утверждающий невозможность рационального обоснования социальных ценностей, и противопоставляют ему концепт гибкой справедливости, методологической основой которой является идея трансверсального разума.

Ключевые слова: мораль, социальная структура, справедливость, ценность, гибкий подход, трансверсальность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92

* Работа является лауреатом конкурса «Истина и справедливость», который проводился в Институте философии Российской академии наук в 2013 году. Печатается на средства, полученные по итогам конкурса. Информация о конкурсе размещена на официальном сайте Института философии РАН: iph.ras.ru

*Позаботьтесь о справедливости, и солидарность
в общество придет сама, как ее следствие.*

Социальная структура как основание справедливости

Особенностью современных обществ является их большая дифференцированность, причину которой связывают с изменениями в содержании общественного производства: оно стало высокотехнологичным, значительную роль в нем занимает сфера услуг, а одним из наиболее востребованных товаров сегодня считается информация. Вследствие этих трансформаций работа за станком, в поле, на транспорте, иными словами, физический труд, с которым традиционно связывается создание общественного богатства, отступили на второй план. Появление множества новых профессий и дробление прежних кардинально изменило картину общественной жизни и потребовало пересмотра критериев справедливости. Американский философ Майкл Уолцер, один из последовательных критиков ролзовской теории справедливости, утверждает, что в современном плюральном обществе не может быть единого подхода к определению справедливости, а потому целесообразно исходить из локального контекста, т. е. из особенностей конкретной социальной области: «Каждое благо должно распределяться в соответствии с критериями значимости своей собственной сферы» [2, с. 12]. Это среди прочего означает асимметрично принципа распределения: если человек в силу принадлежности к определенной сфере пользуется ее благами, то это не значит, что и в других сферах общественной жизни ему полагаются те же блага. К примеру, генерал, обладающий властью и авторитетом в

армии, не может автоматически претендовать на такую же власть и авторитет в сфере экономики или науки. После исследования различных сфер справедливости Уолцер делает категоричный вывод: «Любое конкретное описание дистрибутивной справедливости окрашено в локальные цвета» [Там же].

Обоснованность такого утверждения отчасти подтверждается эмпирическими исследованиями, показывающими, что критерии справедливого распределения значительно различаются по содержанию, месту и времени. Попытки найти обобщающий критерий сводятся к поиску компромиссов, обрастают массой исключений и являются неблагоприятным занятием. Находясь в одном социальном пространстве, но в разных его секторах, индивиды и группы, имеющие разные представления о справедливости, по многим жизненно важным вопросам неизбежно вступают в конфликты. Практическая сторона этой проблемы состоит в необходимости создания структуры, способной нейтрализовать негативные последствия столкновения разных стандартов справедливости посредством выработки приемлемой для всех формулы общей справедливости. Теоретический аспект проблемы заключается в поиске или создании дискурса, способного выступить в качестве обобщающей инстанции для частных теорий справедливости.

В общем виде проблему справедливости в разделенном по сферам обществе можно выразить в форме вопрошания: «Неужели представления о справедливости, типичные для учителей средней школы, радикально отличаются от подобных пред-

ставлений у врачей районной поликлиники и у чиновников городской администрации? Разве католики понимают справедливость принципиально иначе, чем мусульмане?» На локальном уровне выравнивающая функция повседневности, возможно, и помогает минимизировать ценностные различия, но было бы легкомысленно рассчитывать на нее при выработке критериев справедливости в рамках государства. Здесь требуется активная политика, объектом и целью которой должна стать социальная структура общества.

Смысл социальности состоит в интеграции частных усилий для достижения общей для всех участников цели и через это – более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Сбалансированность общих и индивидуальных интересов – важнейший показатель «общественного здоровья», включающий в себя в том числе и согласие по стандарту и критериям справедливости. Костяк любой социальной общности – его структура, минимальный состав которой включает в себя большие и малые социальные общности, а также институты и практики, систематизирующие и организующие совместную деятельность. Одним из условий устойчивости социальной структуры является справедливость, понимаемая в самом общем виде как соразмерность между вкладом в общее дело и получаемой от этого выгодой. Справедливость социальной структуры определяющим способом влияет и на справедливость производных от нее социальных феноменов.

Каковы признаки справедливой социальной структуры? Чтобы ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к содержанию и целям социальности. Не будучи самодостаточными, индивиды для восполне-

ния своей неполноты вступают друг с другом в обмен, который внешне напоминает рыночные отношения. При этом каждый стремится получить не меньше, чем он вложил. Гражданин платит налоги, выполняет различные обязанности для того, чтобы быть спокойным за свою личную безопасность, сохранность своей собственности, иметь хорошие дороги и другие блага, обеспечить которые можно только за счет кооперации. Если его вклад превышает отдачу, он вправе говорить о несправедливости такого социального обмена. Точно так же несправедливым будет, если он получит больше, чем вложил. Аристотель назвал такую форму справедливости дистрибутивной, заметив, что она состоит в равномерности между вкладом и воздаянием. Это показатель меры в отношениях между членами одного общества.

Очевидно, что участники общественного обмена должны обладать таким «социальным товаром», который востребован и конкурентоспособен на этом рынке. Речь идет о профессиональных и социальных ролях, посредством которых индивиды обеспечивают свою жизнь. Их перечень определяется производительным базисом общества: в сельскохозяйственных общинах основная профессия – земледелец, в промысловых – охотник или рыбак, в торговых – купец, судовладелец, специалист по транспортировке грузов и т. п. Базовая структура общества диктует состав и расстановку участников общественного обмена. Она же стимулирует людей овладевать теми профессиями, знаниями и умениями, которые востребованы и при условии успешного ими овладения гарантируют успешный социальный обмен. «Вес» каждой роли хорошо известен, он определяется ее востребованностью, сложностью,

затратами на обучение и профессиональный рост. Крестьянский труд тяжел, однако несложен, и любой физически и психически здоровый человек может им овладеть. Но уже работа кузнеца или столяра гораздо сложнее, не говоря о профессии врача. Соответственно, число людей, способных овладеть лечебным делом, значительно меньше, чем тех, кто в состоянии выполнять работу, не требующую длительного обучения и подготовки. Производственный базис общества определяет необходимый для его существования состав участников, вырабатывает предъявляемые к ним требования и выстраивает их иерархию. Принципиальным является то, что «лишних» людей, т. е. социальных изживенцев, в этой структуре быть не должно. Каждый находится на своем месте и получает вознаграждение в соответствии с этим местом.

Справедливость базовой структуры общества проявляется в том, что никто не ест хлеб, который не заработал. Так должно быть в идеальном случае, но в реальности такая структура невозможна как минимум по двум причинам. Во-первых, общественный механизм нуждается в управлении и обслуживании, которые осуществляются людьми, не занимающимися производительным трудом. Их вклад в общее дело сложно рассчитать, и, соответственно сложно определить и вознаграждение. Чаще всего вклад и вознаграждение определяются самими «слугами общества». По причинам, здесь не рассматриваемым, доля такого непроизводительного труда непрерывно возрастает, а поскольку вознаграждение за него осуществляется за счет тех, кто занят производительной работой, то справедливость базовой структуры общества становится проблематичной. Такое положение дел нашло отражение в рус-

ской поговорке «Один с сошкой, а семеро с ложкой».

Современное общество настолько дифференцировано, что определить ценность и важность вклада каждой профессиональной практики довольно сложно. Однако возможно. Всё чаще задаются вопросы о том, справедливо ли устройство общества, в котором молодой человек, гонящий мяч по футбольному полю, «стоит» десятки миллионов евро, а токарь или школьный учитель зарабатывают за десять лет сумму, эквивалентную той, что модель получает за один выход на подиум. Вялые ссылки на то, что такое положение дел складывается в результате действий невидимой руки свободного рынка, уже не удовлетворяют даже приверженцев либеральной идеи. Кризис, переживаемый современным западным обществом, порожден в первую очередь тем, что большинство граждан живут «не по карману», в долг, на деньги, которые они не заработали. На повестку дня настоятельно прорывается вопрос о степени справедливости базовой структуры общества.

Второе обстоятельство, которое делает неудовлетворительным «механическую» справедливость, связано с тем, что в любом обществе есть люди с ограниченными физическими и психическими возможностями, которые не могут наравне со всеми участвовать в социальном обмене. Следовательно, в структуре общества должны быть предусмотрены механизмы их включения в этот обмен и обеспечения по отношению к ним оптимальной нормы справедливости.

Справедливость – это интегративный показатель, включающий в себя нормативные и фактические компоненты. Ограничиться только фактическим, калькулируемым аспектом справедливости, значит стать на путь несправедливости. Арифметиче-

ский расчет соотношения между вкладом и воздаянием не учитывает многих вещей. В том числе и ценностных предпочтений людей, соображений нормативного порядка, которые препятствуют производительной или политической активности. Нормативный фон общества, представляющий собой совокупность обычаев, традиций, образа жизни, коренящегося в истории, этнической принадлежности, религии и тому подобных вещей, влияет на структуру общества и через нее на состав и критерии справедливости. По этой причине некоторые виды деятельности могут быть неприемлемы для определенной категории жителей. В Индии, например, до сих пор сохраняются остатки кастовых ограничений, закрепляющих за представителями конкретных каст определенные виды деятельности. Некоторые виды деятельности относятся к числу неодобряемых или табуированных: ростовщичество во всех его формах считается нормальным для иудеев, но недопустимо для мусульман. Существуют ограничения гендерного характера и т. д.

Таким образом, справедливость базовой структуры общества определяется объективными факторами, совпадающими с производительным базисом, и нормативными факторами, включающими в себя систему базовых ценностей, согласие по которым может быть эмпирически установлено. Критерием справедливости является консенсус между индивидами и социальными группами относительно того, как вознаграждается их вклад в общее дело. Проблема, однако, состоит в том, что экономическая, политическая и социальная субъектность современных обществ иная, чем в обществах индустриального типа. Постиндустриальное информационное общество отодвинуло на задний план людей, создаю-

щих материальный продукт. Высокие технологии и информация выступают в качестве основы современного производства, и, соответственно, люди, создающие и обслуживающие их, выходят на авансцену. Производительность сельскохозяйственного труда определяется уже не крестьянином, встающим до зари и в поте лица работающим весь световой день, а учеными и технологами, создающими сорта, породы, корма и машины, многократно увеличивающие урожайность и продуктивность. То же самое можно сказать и о современном производстве.

Тем не менее содержание современного производства не меняет сути базисных отношений, которые первым вскрыл и проанализировал Карл Маркс. Ценность его анализа заключается в том, что он, сделав акцент на способе материального производства, выделил отношения, позволяющие судить о справедливости социальной системы в целом. Это отношения, связанные с производством и распределением необходимых для жизни человека благ, а их распределение зависит от типа собственности на средства производства. То, что в современном производстве на смену рабочему за станком приходит программист или оператор устройства со сложным цифровым управлением, не меняет сути распределения полученного продукта: его осуществляет собственник средств производства. Программист, оператор, биотехнолог и другие представители современного производства – такие же наемные труженики, каковым был рабочий производства фордовского типа.

Вызывающим тревогу фактом, относящимся к устройству современного общества, является наличие «паразитирующих» элементов, которые находятся между про-

изводителями и потребителями благ, живя за их счет. Примером могут быть искусственно создаваемые и поощряемые транзакционные издержки, раздутый штат чиновников, посреднические структуры и т. д. Есть все основания говорить о «странах-паразитах», которые живут за счет явной или завуалированной эксплуатации ресурсов других народов, периодически «спускающая пар» посредством намеренного провоцирования экономических кризисов и локальных войн.

Опыт истории, к сожалению, демонстрирует лишь один эффективный способ преодоления структурной несправедливости: внутри страны им является политическая революция, а в международных отношениях – война. Шекспир устами одного из персонажей «Генриха IV» высказался по этому поводу так:

*Мне кажется, что, временно, война –
Оздоровляющее потрясенье
Для тех, кто засорил себе кишки
Безбедной жизнью и объелся счастьем.*

Этот пессимистический сценарий, по которому происходила кардинальная перестройка социальной структуры конкретных обществ и структуры мирового порядка, не повод для того, чтобы прекратить поиск других путей и способов уменьшения несправедливости. Они как раз и необходимы для того, чтобы минимизировать последствия различий не на уровне социальной онтологии, а на надстроечном уровне, где они находят воплощение в различии культурных групп и индивидов.

Уровни справедливости

Минимальная социальная справедливость состоит уже в том, что индивида признают за человека. Не он сам считает себя

таковым, а общество. На первичном, во многом примитивном уровне нравственного сознания человек – это тот, кто такой же, как и я. То есть тот, кто такого же цвета кожи, говорит на моем языке и диалекте, принадлежит к тому же тотему, что и я, верит в тех же богов. Соответственно и критерии справедливости распространяются только на своих. Родина демократии, древняя Греция, трепетно относилась к справедливости, но распространяла ее только на своих граждан. Варвары и рабы не считались объектами справедливости. Распирение объема понятия «человек» автоматически влечет за собой и расширение пространства справедливости.

Из признания индивида человеком вытекает такой минимум его прав, как личная безопасность и безопасность имущества. Но человека вообще не бывает. Поэтому идентификация идет по пути конкретизации понятия «человек» по полу, возрасту, расе, национальности, социальному положению, профессии, религиозной принадлежности и т. д. Однако проблема заключается в том, что все конкретизирующие человека признаки являются различиями. Пол бывает мужским или женским, возраст дифференцирован еще больше, а расовая идентификация с учетом метисации представляет непростую задачу. Различия – это отличительный знак, своего рода стигма, которым или дорожат, или, напротив, стараются пренебречь. Независимо от того, как к различиям относятся, они объективно существуют, являются фактом. Но различия бывают разные. Различия между мужчиной и женщиной – существенные, относящиеся к области онтологии. Расовые, этнические различия также оказывают существенное влияние на психический и ментальный склад людей. То, какое из раз-

личий важно, а какое нет, издавна является предметом споров на обыденном и теоретическом уровнях. Установлено, что статус различия определяется, во-первых, ролью, которую этот отличительный признак играет в жизни человеческих сообществ, и, во-вторых, тем, насколько носители различия считают его важным признаком своей идентичности. Например, «женскость» высоко ценится в тех обществах, где женщины играют ведущую роль в хозяйственной деятельности и в полигамных семьях. Но чаще всего женщины являются объектами дискриминации, имеют ограниченные в сравнении с мужчинами права. Это было причиной возникновения движения за женское равноправие, идеологи которого настаивали на том, что женщины имеют равные с мужчинами права. По сути, речь идет о нивелировании различия между «мужским» и «женским» началами в человеческой природе. Насколько справедливо игнорирование различия в данном случае? История показала, что поняв нелепость своих притязаний, современные теоретики феминизма скорректировали свою позицию и сегодня настаивают на том, что женщины являются особыми существами, а потому имеют право на «особые» права. Другой пример – цвет кожи или этничность. «Король поп-музыки» Майкл Джексон стыдился того, что он негр, и предпринимал мыслимые и немыслимые попытки стать «белым», не понимая того, что можно человека переселить из Африки, но Африку из человека вытравить невозможно. И самое главное – не имеет никакого смысла.

Идентичность человека складывается из многих элементов, которые «склеиваются» в каждом конкретном случае уникальным образом, образуя в итоге неповторимую человеческую самость. Один и тот же

набор элементов дает иногда противоположные результаты. Можно использовать аналогию с приготовлением еды: одинаковый ассортимент продуктов дает на выходе различные блюда. Определяющим является мастерство повара. Но не только оно: значение имеют гастрономические традиции, религиозные ограничения, диета и т. д. Не все входящие в состав идентичности компоненты равновесны. Все зависит от принципа, идеи, ценности, которые соединяют эти компоненты в целое. Выявить его в конкретном случае – цель идентификации. Универсального рецепта не существует: в одном случае человек идентифицирует себя как мужчину, видящий смысл своей жизни в обеспечении и защите семьи, в другом случае на первый план выходят профессиональные добродетели, в третьем – религиозность.

На первый взгляд, детальная идентификация человека ведет к тому, что на выходе мы имеем бесконечное многообразие и разнообразие индивидов, которое невозможно упорядочить посредством подведения под какой-либо общий знаменатель. Это затрудняет выработку критериев справедливости. По этой причине человеческие общества длительное время шли по пути наименьшего сопротивления, минимизируя различия, игнорируя индивидуальное и специфическое посредством объявления его несущественным и случайным. Такое решение было возможным по той причине, что объективно осознание различия еще не было развито, чаяния и надежды были связаны с общим, в угоду и жертву которому приносилось индивидуальное. Труд был слабо дифференцирован, социальная структура была проста и понятна, индивидуальные притязания ограничивались множеством традицион-

ных предписаний. Скрепам, удерживающими общества от распада, были родственная или этническая общность, религия, отфильтрованные в течение длительного времени социальные нормы и не в последнюю очередь – властная воля. Те же силы, что обеспечивали общественную целостность, были гарантами справедливости: солидарные общества – это всегда справедливые общества. Потому что найти общее, удовлетворяющее всех решение или норму распределения общих благ в таких обществах – относительно несложная задача. Различие рассматривалось как аномалия, и отношение к нему было такое же, как к шляпке гвоздя, приподнявшейся над поверхностью: рука сразу же тянется к молотку. Справедливость в данном случае состояла в том, что объектом защиты было общее, которое считалось гарантом благополучия единичного. Если возникали коллизии между общим и индивидуальными интересами, последним без колебаний жертвовали.

Различие (отличие) становится объектом внимания и защиты тогда, когда оно признается ценным и важным для общего дела, а также для носителей этого различия (отличия). Далеко не всегда первое и второе совпадает. Определенная способность или талант, носителями которого могут быть немногие индивиды, признается обществом и достойно вознаграждается. В качестве примеров можно взять выдающихся ученых, художников, военачальников, религиозных пророков. Но в составе целого могут быть проблематические различия: этнические, религиозные, культурные, политические, экономические. Их носителями являются не единичные представители, а социальные группы, причем многочисленные. Примером могут быть гугеноты во

Франции XVI века, курды в Турции и Ираке, цыгане в Румынии и Болгарии, крестьяне в Англии XVII–XVIII столетий.

Таким образом, как только различие (отличие) становится существенным в составе общего целого и важным для персональной идентичности, оно попадает в сферу справедливости. Парадокс же состоит в том, что справедливым считается как забота о сохранении различия, так и его маргинализация или игнорирование.

Справедливость или несправедливость существуют в субъектно-объектной форме. Человеку, проживающему на берегах Потомака, представляется несправедливым, что женщины в Афганистане появляются в публичных местах только в парандже, однако сами эти женщины не считают себя ущемленными или пораженными в правах. Избирательные ограничения по возрасту или полу, существующие во многих традиционных странах, являются поводом для возмущения западных правозащитников, но не воспринимаются как несправедливые субъектами этого ограничения. Принципиально важно, чтобы индивиды и социальные группы были кровно заинтересованы в наличии или отсутствии элемента, отношение к которому выступает в качестве критерия справедливости.

Аристотелю принадлежит первое толкование истины, которое позже стали называть объективистским или «корреспондентским»: «Не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим истину». К такому пониманию истины греческий мыслитель пришел в результате попыток разделить знание и мнение, при этом знанием он считал то, что позже стали называть «научным знанием», в отличие от мнения

как субъективно окрашенного знания. Научное знание, по Аристотелю, имеет дело с тем, что может быть только так, а не иначе. Мнение же относится к вещам, которые могут быть определены так, а могут – и иначе. Иными словами, главным признаком научного знания является объективность, т. е. независимость от познающего субъекта. Но этот критерий ставит под сомнение возможность достоверного знания о человеческих действиях, которые, как верно замечает Аристотель, бывают разными. Причина этой «разности» в том, что обобщенной целью жизни каждого индивида является обретение блага, а в вопросе о содержании этого блага нет единогласия. Выход он видел в поиске общего понятия бага, с которым согласны все, и которое, будучи найденным и артикулированным, сможет служить обобщенной целью и критерием для оценки любых поступков, в том числе и на их справедливость.

Действующий человек, по Аристотелю, решает практический силлогизм, схема которого сходна с теоретическим силлогизмом. Обязательным компонентом этого практического силлогизма является то, что индивид должен совместить свои индивидуальные нормативные представления с общими стандартами. В случае со справедливостью это означает, что свое субъективное представление о справедливости человек согласовывает с общепринятым критерием. Такое возможно, однако, только в ценностно однородных обществах, каким был греческий полис и другие подобные ему социально-культурные образования. По мере расширения и дифференциации социального пространства возможность выработки согласованной, удовлетворяющей всех концепции блага стремится к нулю. А это значит, что по-

иск критерия справедливости становится проблематичным. Поскольку же никакие формы и способы социальности не могут считаться устойчивыми, не будучи справедливыми, то на повестку дня встает вопрос о возможности достижения минимальной справедливости, которая гарантировала бы общественную стабильность. Этому условию соответствует такая форма справедливости, как правосудность, или законность. Ее инстанцией является государство, а сфера действия совпадает с законом и официальным, писаным правом.

Суждение типа «Закон суров, но справедлив» в данном случае не выдерживает критики. Закон справедлив лишь отчасти, поскольку содержит «среднюю» норму справедливости, которая распространяется на всех людей без учета их персональной идентичности. Но в реальности существуют не средние, а конкретные индивиды, обладающие специфичной идентичностью, которую закон учесть не в состоянии, поскольку ориентирован на общее. За пределами этого общего остается много того, чем индивид дорожит, считает для себя значимым. Поскольку закон не в состоянии учесть «особенное», требуются другие инстанции, способные сделать это. Коммунитаристы относят к таким инстанциям институты гражданского и «хорошего» общества.

Справедливость сегодня: флексIBLEНЫЙ ПОДХОД

Итогом длительных попыток концептуализации справедливости является согласие в том, что не существует одного, единого для всех критерия справедливости, как не существует философского камня, дарующего его обладателю способность мгновенно прозревать истину. Социальная спра-

ведливость сегодня уже не сводится к тому, что каждый одет, обут и имеет свою миску супа. Это – пройденный этап. В ее состав сейчас входит и качественное образование, и качественная медицина. Но это суждение не является общезначимым. Ведь и сейчас на Земле около миллиарда человек голодают, а три миллиарда – не получают полноценного питания. Для них справедливость заключается в том, чтобы не быть голодным и не быть произвольно убитым.

До тех пор, пока не появится убедительная метатеория справедливости, есть смысл перейти к тактике малых дел, т. е. опираться в своем осуществлении политики справедливости на ресурсы, которые имеются под рукой. Выше мы назвали такой подход флексибельным, поскольку он требует от лиц и инстанций, его практикующих, чрезвычайной гибкости. Помимо здравого смысла и опыта под этот подход может быть подведено методологическое основание, на роль которого хорошо подходит концепт трансверсальной рациональности, разрабатываемый современным германским философом Вольфгангом Вельшем. Он в общих чертах напоминает эстетическую рациональность Канта, с помощью которой тот пытался преодолеть пропасть между спекулятивным и практическим разумом. С одной стороны, в этой концепции признается нормой плюрализм, в том числе и плюрализм справедливостей, но одновременно не исключается возможность общих решений. Эти решения включают в себя анализ различий и поиск ситуационных точек соприкосновения, которые, по убеждению Вельша, всегда существуют в режиме «здесь и сейчас» [3].

Примером гибкого подхода к реализации справедливости является право-

вая концепция Рональда Дворкина. Он идет от факта, с которым сталкиваются все правоприменители: жизнь богаче, чем законы. Судья при определении решения может просто подогнуть разбираемый случай под подходящий закон, не минуемо при этом став Прокрустом, и тогда его вердикт будет несправедливым. Но он может избежать этого, если отнесется к делу с учетом всех его нюансов, обратит внимание на детали, которые не могли быть включены в закон. Для этого он, по Дворкину [1], должен быть своего рода «юридическим Геркулесом», т. е. человеком, наделенным «сверхчеловеческой квалификацией, ученостью и терпением». Справедливое решение, которое он выносит, опирается на фундаментальные принципы права, культурные традиции, неписаные моральные нормы, политическую целесообразность и конкретную жизненную ситуацию.

Тактика флексибельной справедливости нуждается для своей реализации в таких «Геркулесах» не только в сфере права, но и в тех областях, где действия, результаты или состояния оцениваются с точки зрения справедливости. Значительный риск субъективизма в этом деле является достаточным объяснением того, почему о справедливости с неохотой говорят действующие политики и юристы.

Вывод. Приходится констатировать, что снабдить тех, кто непосредственно имеет дело с реализацией справедливости, надежным критерием на данный момент не представляется возможным. И это – повод для пессимизма. Оптимизм же вызывает осознание того, что такая интересная и важная тема, как справедливость, открыта для философских спекуляций и научного анализа.

Мы надеемся, что одним из направлений дальнейшего исследования феномена справедливости является обстоятельный, с опорой на эмпирические данные анализ социального устройства конкретных обществ на предмет справедливости, с последующим обобщением полученных результатов. В дальнейшем обосновании или критике нуждается и представленный в данной работе проект «флексивельной» справедливости.

Литература

1. *Дворкин Р.* О правах всерьез: пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 152.
2. *Walzer M.* Sphären der gerechtigkeit. Ein plädoyer für pluralität und gleichheit. – Frankfurt/Main; New York: Campus-Verlag, 1992. – P. 12. – (Theorie und Gesellschaft; bd. 23).
3. *Welsch W.* Vernunft: die zeitgenössische vernunftkritik und das konzept der transversalen vernunft. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1995. – P. 850.

JUSTICE TODAY: DIFFICULT CHOICE BETWEEN DISTRIBUTION AND RECOGNITION

Article second*

S.G. Chukin

St. Petersburg Military Institute
of Russian Interior Ministry troops

P.Y. Naumov

Ural regional command of internal
troops of the Russian Interior Ministry,
Miass

petr.naumov.777@mail.ru

The paper deals with the practical and theoretical implications that justice becomes a real factor in achieving solidarity in the social life of social actors. The different conceptions of justice, revealed their intrinsic and structural differences. The authors conclude that the outcome of the discussions around the theme of justice, continuing the last thirty years, has become a significant semantic shift in the understanding of justice that resulted, in turn, the emergence of new forms and methods of achieving it. It is noted that justice has properties which do not have the truth, and that helps her to stay in the field of philosophy and social sciences, despite the failure of attempts to give her a satisfactory explanation. This property is a special sensitivity towards her by individuals, as well as social and cultural groups. Levels of justice, it was found that the social structure is the foundation of justice. The authors criticize emotivism asserting the impossibility of rational justification of social values, and contrast it justice concept fleksibelnoy methodological basis of which is the idea of transversal reason.

Keywords: moral, social structure; justice; value; flexibility for approach; transversality.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92

References

1. Dworkin R. *Taking rights seriously*. Cambridge, Harvard University Press, 1977. 293 p. (Russ. ed.: Dworkin R. *O pravakh nser'ev*. Translated from English. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, p. 152).
2. Walzer M. *Sphären der gerechtigkeit. Ein plädoyer für pluralität und gleichheit. Theorie und Gesellschaft*. Bd. 23. Frankfurt am Main, New York, Campus-Verlag, 1992, p. 12.
3. Welsch W. *Vernunft: die zeitgenössische vernunftkritik und das konzept der transversalen vernunft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1995, p. 850.